

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Между мировой скорбью и радостью жизни (интервью)

Ханс-Ульрих Обрист беседует с Раулем
Ванейгемом

Рауль Ванейгем

Рауль Ванейгем
Между мировой скорбью и радостью жизни (интервью)
Ханс-Ульрих Обрист беседует с Раулем Ванейгемом
2009

Сохранено 17 августа 2018 из
<https://avtonom.org/news/intervyu-s-raulem-vaneygemom-mezhdu-mirovoy-skorbyu-i-radostyu-zhizni>

Выходные данные: опубликовано по-английски в журнале e-flux (№6, май 2009 г.). Перевод Шарапова.

ru.theanarchistlibrary.org

2009

Оглавление

В начале славных дел	5
Снова найти опору под ногами	9
Диалог с властью и невозможен, и нежелателен	25
Ответы Рауля Ванейгема на «анкету Марселя Пруста»	31

Способность, которой вам хотелось бы обладать?

Способность получше распространять человеческое осознание жизни.

Как Вы хотели бы умереть?

Мирно, в тот час, который сам выберу.

Ваше состояние духа в настоящий момент?

Ненадёжное равновесие между тем, что я есть, и тем, чем я бы хотел быть.

К каким порокам Вы чувствуете наибольшее снисхождение?

Пороков нет, просто ошибки, которые надо исправлять.

Ваш девиз?

Желать всего, не ожидать ничего.

Примечания:

Все, но я питаю слабость к чёрным дроздам, которые поют по вечерам.

Ваши любимые писатели?

Монтень, Ла Бозси , Шекспир, Дидро, Кафка, Арто, Беньямин, Оруэлл, Цвейг.

Ваши любимые поэты?

Вийон, Блейк, Гёльдерлин, Нерваль, Фурье.

Любимый литературный герой?

Гиперион.

Любимые литературные героини?

Кетхен из Гейльбронна .

Любимые композиторы?

Моцарт, Боккерини.

Любимые художники?

Джорджоне, Тернер, Гойя, Ван Гог.

Любимые герои в истории?

Элой Прейстинк , Себастьян Каstellio, Эдуар Каруй и Андре Суди , Альберт Либертад , Флорес Магон, Мариус Жакоб , Ян Фалтин .

Любимая героиня в истории?

Олимпия де Гуж , Клер Демар , Луиза Мишель, Курратулейн .

Любимые имена?

Ариана, Кьяра, Ариэль, Тристан.

Что вы больше всего ненавидите?

Добровольное рабство.

Исторические персонажи, которых Вы презираете?

Все тираны, палачи народа, виновники человеческих страданий и те, кто их возвеличивает.

Какой момент в военной истории Вы цените больше всего?

Ни один.

Реформы, которые вы цените особенно высоко?

Те, что очеловечивают людей.

Ханс-Ульрих Обрист беседует с Раулем Ванейгемом

Ханс-Ульрих Обрист: Я только что посетил Эдуара Глиссана и Патрика Шамуазо , которые написали обращение к Бараку Обаме [интервью было взято в 2009 г. - прим. ред.]. С чем бы вы к нему обратились или что бы вы ему посоветовали?

Рауль Ванейгем: Я отказываюсь культивировать какие бы то ни было отношения с представителями власти. Я согласен с сапатистами из Чьяпаса, которые не хотят иметь ничего общего ни с государством, ни с его хозяевами, транснациональными мафиями. Я призываю к гражданскому неповиновению, чтобы местные сообщества могли сформироваться, скоординировать свои усилия и начать самостоятельно производить природосообразную энергию, более близкую к природе сельскохозяйственную продукцию и общественные услуги, которые наконец-то будут освобождены от жульничества правительств, будь они левыми или правыми. С другой стороны, я одобряю призыв Шамуазо, Глиссана и их друзей к созданию такого существования, в котором вновь обнаруженная поэзия жизни положит конец мертвящей удавке товара.

В начале славных дел

– Могли бы мы поговорить о том, с чего вы начинали? С чего началось ваше участие в ситуационизме и в чём заключался ваш основной вклад? В начале ваших отношений с СИ присутствовала фигура Анри Лефевра . Что он для вас тогда значил? Почему вы решили послать ему тогда свои поэтические эссе?

Ванейгем: Я хотел бы для начала уточнить, что ситуационизм - это идеология, которую ситуационисты единодушно отвергали. Термин «ситуационист» был всего лишь

идентифицирующим ярлыком. Его определённая прпятствовала тому, чтобы нас путали с толпами идеологов. Я не имею ничего общего с нынешним зрелищным возвращением проекта, который, в моём случае, оставался от и до революционным [*Ванейгем имеет в виду свою непосредственную деятельность в рамках Ситуационистского Интернационала в шестидесятые годы — прим. ред.*]. Моё участие в прекратившей ныне существование группе было важным моментом моей личной эволюции, эволюции, которую для меня лично продолжалась в духе наиболее революционных проявлений ситуационистского проекта.

Моя радикальность освобождает меня от каких-либо ярлыков. Я вырос в окружении, в котором наш борющийся дух подпитывался пролетарским самосознанием и довольно радостной концепцией жизни. Я нашёл книгу «Критика повседневной жизни» Лефевра чарующей. Когда была опубликована «Сумма и остаток», я послал ему нечто вроде эссе о «поэзии и революции», которое было попыткой соединить радикальные понятия, леттристский язык, музыку и образность кино, приписав им всем общее свойство - от них закипает людская кровь.

Лефевр любезно ответил, связав меня с Ги Дебором, который немедленно пригласил меня в Париж. Мы двое очень различались по темпераменту, однако в течение почти десятилетнего периода мы разделяли убеждение в необходимости положить конец потребительскому обществу и основать новое общество на принципе самоуправления, в котором жизнь заменила бы выживание и ту экзистенциальную тоску, которая им порождается.

– Какие ситуационистские проекты остаются неосуществлёнными?

Ванейгем: Психогеография, создание ситуаций, нахождение замены хищническому поведению. Радикальность, которая, если не считать некоторые промежутки времени,

Ответы Рауля Ванейгема на «анкету Марселя Пруста»

Ваша самая характерная черта?

Лень.

Качества, которые Вы больше всего цените в мужчине?

Щедрость в сочетании с человеческим осознанием того, что такое жизнь.

Качества, которые Вы больше всего цените в женщине?

Любовь и любовь к жизни.

Что вы больше всего цените в Ваших друзьях?

Творческое начало.

Что является Вашим главным недостатком?

Недостаток уверенности в себе.

Какое Ваше любимое занятие?

Раскрывать себя жизни, чтобы жизнь могла раскрыться во мне.

Какова Ваша мечта о счастье?

Осуществление моих желаний посредством выполнения желаний тех, кого я люблю.

Что Вы считаете самым большим несчастьем?

Неудача в том, чтобы поспособствовать всеобщему счастью.

Каким Вы хотели бы быть?

Самим собой, всё более и более живым.

В какой стране Вам хотелось бы жить?

Всюду, где царит истинная человечность.

Ваш любимый цветок?

Все, но я питаю слабость к розам сорта ансьен.

Ваша любимая птица?

ние финансовые затруднения, которые я всегда отказывался разрешать за счёт компромиссов с миром зрелища.

– **Многие художники и архитекторы пользовались вашим «Словарём цитат для развлечения и вразумления нашего времени». Откуда появилась эта идея?**

Ванейгем: Это было предложение моего друга Пьера Драшлена, который работает в издательстве *Cherche Midi*.

– **Вы часто критиковали экологические движения, которые пытаются заменить существующий ныне капитализм капитализмом иного типа. Что вы думаете о Йозефе Бойсе ? Какие некапиталистические проекты или движения вы поддерживаете?**

Ванейгем: Нам «предлагают» биотопливо при условии, что мы соглашаемся на выращивание трансгенного рапса. Экотуризм ускорит расхищение нашей биосферы. Ветроэнергосистемы строятся, не давая потребителям никаких преимуществ. Это всё направления, в которых возможно какое-то вмешательство. Природные ресурсы принадлежат нам, они бесплатны, их надо заставить служить свободе жизни. Задачей местных сообществ будет обеспечение собственной энергетической и продовольственной независимости, чтобы повсеместно освободиться от контроля транснациональных корпораций и их государственных вассалов. Требовать возможности использовать природную энергию для себя означает сперва вернуть себе собственную жизнь. Только творчество избавит нас от работы.

– **Последнее по порядку, но не по значению: Рильке написал прекрасную книжку советов молодому поэту. Что бы вы посоветовали молодому философу-писателю в 2009 году?**

Ванейгем: Применять к собственной жизни тот творческий дух, который он демонстрирует в собственной работе. Следовать за сердцем, за тем, что в нём наиболее живо.

никогда не прекращала нас мотивировать, и теперь остаётся источником вдохновения. Её действие только начинает проявляться в автономных группах, которые сейчас подходят вплотную к обрушению финансового капитализма.

– **Ситуационистский Интернационал определял ситуациониста как человека, посвящающего себя созданию ситуаций. Какими были для вас эти ситуации, конкретно? Как бы вы определили ситуационистский проект в 2009 году?**

Ванейгем: Самим своим образом жизни и мышления наша группа уже давала набросок ситуации, словно некоего плацдарма, который действует на вражеской территории. Военная метафора несколько сомнительна, однако она передаёт нашу волю к освобождению повседневной жизни от контроля и удавки экономики, основанной на эксплуатации человека ради получения прибыли. Мы сформировали «группу риска», которая осознавала враждебность господствующего мира, необходимость радикального разрыва с ним и опасность впадения в паранойю, типичную для сознания осаждённых.

Показывая свою ограниченность и некоторые слабости, ситуационистский опыт может также восприниматься как критическое размышление о новом типе общества, набросок которого был дан Парижской коммуной, махновским движением и республикой Советов, уничтоженных Лениным и Троцким, либертарными коммунами в Испании, разгромленными компартией. Ситуационистский проект посвящён не тому, что происходит, когда потребительское общество отвергнуто и возникло действительно человеческое общество. Он скорее показывает, как [новый] образ жизни может прийти на смену выживанию, хищническому поведению, власти, торговле и влечению к смерти.

– Вы с Ги Дебором были главными действующими лицами. Как вы видите свою роль и роль Дебора?

Ванейгем: Не в качестве ролей. Это именно то, на что нацелен «ситуационизм» в своей самой смехотворной версии: низвести нас до уровня картонных вырезанных фигур, которые затем могут быть противопоставлены в соответствии с процедурой действия спектакля. Я просто являюсь выразителем - одним из многих - радикального сознания. Я просто делаю то, что могу, чтобы обеспечить превращение сопротивления рыночной эксплуатации в наступление жизни и уничтожение развалин угнетения искусством жизни.

– По каким причинам вы покинули группу?

Ванейгем: После захватных движений [оккупационных стачек в университетах и на предприятиях] мая 1968 года мы знали, что грядёт некое отступление. Нам были знакомы механизмы отчуждения, которые фальсифицируют наши идеи и аккуратно впишут их в паззл культуры. Нам стало ясно во время последней конференции в Венеции, что нам так и не удалось разбить эти механизмы, что на самом деле они разрушали нас изнутри. Группа разваливалась, Венецианская конференция продемонстрировала её увеличивавшуюся бесполезность, и все предлагавшиеся ответы соответствовали той самопародии, в которую мы впали.

Раздоры усилились, дойдя до уровня параноидальных разоблачений: обвинения в предательстве радикального проекта, в нарушении революционного духа, в отсутствии сознательности. Эти времена катарсиса и анафемы уже давно прошли, и может быть полезно остановиться на том, как же мы посеяли семена той неудачи, за которую группе пришлось заплатить столь тяжёлую цену. Потерпевший крушение корабль, впрочем, не смог затащить на берега забытых всех нас, тех, кто участвовал в аванюре. Группа

трапункта. Произведение искусства волнует меня тогда, когда я могу в нём почувствовать преодоление самого себя, нечто, что выходит за его пределы; когда оно питает росток жизни, которая расцветает истинным желанием, интуицией, понимающей новое искусство жизни.

– Могли бы вы рассказать мне о Брюсселе? Что для вас значит этот город? Где вы сочиняете?

Ванейгем: Я живу в сельской местности, где я гляжу на сад и леса, где ритм смены времён года сохранил свою прелесть. Брюссель как город был разрушен урбанистами и архитекторами, которым платят девелоперы. Ещё осталось несколько кварталов, подходящих для приятных прогулок. У меня есть с десяток прекрасных кафе, где можно насладиться превосходным пивом кустарного производства.

– Согласны ли вы с утверждением Геремека о том, что Европа - это большой вопрос XXI века?

Ванейгем: Мне не интересна эта Европа, которой управляют вымогательские бюрократические системы и коррумпированные демократии. И регионы вообще интересуют меня, только когда они освобождены от своей регионалистской идеологии и живут на принципах самоуправления и прямой демократии. Я не чувствую себя ни бельгийцем, ни европейцем. Единственная моя родина - это человечество, которое наконец-то станет независимым.

– Вы использовали множество псевдонимов. «Я - это другой»? Как вы находите или выбираете псевдонимы? Сколько у вас было псевдонимов? Есть ли где-то полный их список?

Ванейгем: Я не составлял какого-либо списка. Оставляю всё на вдохновение момента. В использовании псевдонима нет ничего тайного. Скорее дело в создании дистанции, чаще всего при работе на заказ. Это позволяет мне развлекаться, одновременно облегчая мои всегдаш-

– Над какой книгой вы работаете в данный момент?

Ванейгем: Я бы хотел иметь достаточно сил, чтобы закончить «Словарь ересей», цель которого - разъяснить и исправить исторические элементы, включённые в книги «Движение свободного духа» и «Соппротивление христианству».

– Вопрос временности также заставляет вспомнить Пруста и его анкету (см. ниже). Каким будет ваше определение счастья в 2009 году?

Ванейгем: Всё более напряжённая и страстная жизнь во всё более напряжённом мире. Тем, у кого моя экзистенциальная искренность вызывает усмешку, я отвечаю фразой, которая меня весьма утешает: «Желание другой жизни уже есть эта жизнь».⁵

– Есть ли у вас неосуществлённые проекты? Ненаписанные книги, неосуществлённые проекты в иных, чем сочинительство, областях, нереализованные архитектурные проекты?

Ванейгем: Для меня приоритет - это жить всё лучше и лучше в мире, который всё более и более человечен. Я бы хотел выстроить «городскую сельскую местность» Оаристиса, но я не просто жду терпеливо, словно Фурье в Пале-Рояле, пока какой-нибудь миллиардер решит финансировать проект - только чтобы обанкротиться через минуту.

– Как насчёт ваших совместных проектов с другими художниками, живописцами, скульпторами, дизайнерами, кинорежиссёрами?

Ванейгем: Я ни с кем не сотрудничаю. Иногда я предлагал некоторые тексты друзьям-художникам, не для того, чтобы прокомментировать их работы, а в качестве кон-

⁵ См. Raoul Vaneigem, “Le désir d’une vie autre est déjà cette vie-là,” Cahiers internationaux de symbolisme 119–121 (2008): 193–194.

испарилась таким образом, чтобы позволить отдельным личностям укрепить свою радикальность, отречься от неё или же впасть в поддельный радикализм. Я попытался проанализировать нашу экспериментальную авантюру в книге «Между мировой скорбью и радостью жизни».

– Вы много писали о жизни, а не выживании. В чём разница?

Ванейгем: Выживание - это отмеренная бюджетом жизнь. Система эксплуатации природы и человека, появившаяся в середине неолита с возникновением интенсивного земледелия, вызвала обратное движение, в котором творчество - качество, специфически присущее лишь людям, - было заменено работой, производством алчной власти. Творческая жизнь, которая начала развёртываться при палеолите, пошла на убыль и уступила место жестокой борьбе за пропитание. С тех пор хищничество, которым определяется животное поведение, стало генерировать все экономические механизмы.

Снова найти опору под ногами

– Насколько изменились жизнь и общество сейчас, когда с мая 1968 года прошло более сорока лет?

Ванейгем: Мы являемся свидетелями крушения финансового капитализма. Это было нетрудно предсказать. Даже среди экономистов, где идиотов ещё больше, чем в сфере политики, ряд деятелей бил тревогу в течение десятилетия или около того. Наша ситуация парадоксальна: никогда ещё в Европе силы угнетения не были настолько ослаблены, но никогда и эксплуатируемые массы не были настолько пассивны. Но всё же - повстанческое сознание всегда спит чутко. Наглость, некомпетентность и бессилие правящих классов рано или поздно пробудят его ото сна, и

тогда мы увидим развитие в сердцах и умах людей того, что было наиболее радикальным в мае 1968-го.

– **Ваша новая книга ведёт нас в путешествие «между мировой скорбью и радостью жизни». Вы вновь обращаетесь к маю 1968-го. Что осталось от мая 1968-го? Или всё было присвоено?**

Ванейгем: Несмотря на то, что сегодня мы видим, как используемые повторно идеологии и старую религиозную рухлядь спешно латают и швыряют, чтобы подпитывать всеобщее отчаяние, на котором наживаются наши воротилы, им не удастся долго скрывать сдвиг цивилизации, выявленный маем 1968-го.

Разрыв с патриархальными ценностями - окончателен. Мы продвигаемся к тому, чтобы отказаться от эксплуатации природы, от работы, от торговли, хищнического поведения, самоотчуждения, от жертв, чувства вины, отказа от счастья, фетишизации денег, от власти, иерархии, презрения к женщинам и страха перед ними, от обмана детей, от интеллектуального господства, военного и полицейского деспотизма, религии, от идеологий, от угнетения и от психического напряжения, которое сеет смерть вокруг.

Я описываю не факт, а продолжающийся процесс, который просто требует от нас повышенной бдительности, внимания и солидарности с жизнью. Мы должны заново найти опору под ногами, чтобы начать перестраивать — уже на человеческих основаниях - мир, который был разрушен бесчеловечностью культа товара.

– **Что вы думаете о настоящем моменте, о 2009 году? Жан-Пьер Паж только что опубликовал книгу «Размышляя о том, что после кризиса» . По его мнению, всё должно быть изобретено заново. Он говорит, что сейчас появляется новый мир, в котором попытка установить управляемую США глобализацию была отвергнута.**

культивирует потенциал страсти и творчества, конечно же сможет добыть достаточно жизненной силы, чтобы значительно отодвинуть момент умирания.

– **«Революция повседневной жизни» спровоцировала май 1968-го, и вы заявляли в других интервью, что это ваша ключевая книга, которую вы постоянно переписываете. Была ли она откровением? Как она изменила направление вашей работы? Что вы делали до неё?**

Ванейгем: Книга была вызвана испытывавшейся мной в то время острой необходимостью в новой точке зрения на мир и на себя самого, это было необходимо для того, чтобы вытащить меня из состояния выживания способом, отличным от самоубийства. Этот критический подход к обществу потребления, которое столь усердно разлагало и уничтожало жизнь, заставил меня осознать и прочувствовать и свою собственную тягу к жизни. И мне очень быстро стало ясно, что это не было сугубо солипсическим проектом, что многие читатели обнаруживали созвучие тому, что волновало их.

– **«Революция повседневной жизни» заканчивается на оптимистичной ноте: «Мы можем завоевать целый мир удовольствий, и нам нечего терять, кроме скуки». ⁴ Являетесь ли вы оптимистом и сегодня?**

Ванейгем: «Пессимисты, а на что, собственно, вы надеялись?» - написал Скютенер . Я ни пессимист, ни оптимист. Я стараюсь оставаться верным принципу: желать всего, не ожидать ничего.

– **Какая версия книги является самой последней?**

Ванейгем: «Между мировой скорбью и радостью жизни».

⁴ Raoul Vaneigem, *The Revolution of Everyday Life*, trans. Donald Nicholson-Smith (Welcombe, UK: Rebel Press, 2001), 279.

сти и сообщества к эгоистичному и слепому самоустранению. Само собой разумеется, мы изобретём новые сети солидарности и новые советы ради благосостояния всех и каждого, отвергая указания государства и его мафиозно-политических иерархий. Голос проживаемой поэзии смеётся последние отзвуки дискурса, в котором слова находятся на службе у прибыли.

– **В своих последних книгах вы обсуждаете своё существование и его бренность, временность. Обезличивающие силы глобализации обезличивают время, и наоборот. Как вырваться из этого? Могли бы мы поговорить о бренности счастья как представления?**

Ванейгем: Экономика, основанная на производительности и прибыли, вживила в непосредственно-проживаемую человеческую реальность другую, отдельную реальность, структурированную при помощи управляющих ею механизмов: хищничество, соперничество и конкуренция, стяжательство, борьба за власть и средства к существованию. В течение тысяч лет подобное поведение, идущее вразрез с нашими природными качествами, считалось естественным. Временность истощения, эрозии, усталости и разложения определяется трудом, то есть родом деятельности, который господствует над всеми остальными и разрушает их.

Временность желания, любви и творчества обладает такой плотностью, которая способна расколоть временность выживания в задаваемом работой ритме. На смену временности денег придет временность желания, зазеркалье, выход в незнание.

– **Лишена ли жизнь возраста?**

Ванейгем: Я не рискну утверждать, что жизнь лишена возраста. Но поскольку выживание – это ничто иное, как вечная агония, от которой спасает преждевременная смерть, природосообразная жизнь, которая максимально

Ванейгем: Аграрная экономика «старого режима» была окаменевшей формой, которую начиная с революции 1789 года разбила растущая экономика свободной торговли. Подобным же образом, барахтающийся в акциях спекулятивный капитализм, падение которого мы сейчас наблюдаем, вот-вот сменится капитализмом, который будет вновь оживлён производством незагрязняющей природу естественной энергии, возвращением к потребительской ценности, органическим сельским хозяйством, спешно залатанным государственным сектором и лицемерной морализацией торговли.

Будущее принадлежит самоуправляющимся сообществам, которые производят незаменимые товары и услуги для всех (природная энергия, биологическое разнообразие, обучение, центры здоровья, транспорт, металлургическое и текстильное производство...) Идея в том, чтобы производить продукты для себя, для собственного пользования – то есть больше не ради продажи, – вместо товаров, которые мы в настоящий момент вынуждены покупать по рыночным ценам, хотя они были придуманы и изготовлены такими же работниками, как и мы. Пришло время порвать с законами политических вымогателей, которые наряду со своим собственным банкротством готовят и наше.

– **Является ли это войной нового типа, как утверждает Паж? Экономическая Третья мировая война?**

Ванейгем: Мы воюем, да, но это не экономическая война. Это война против экономики. Против экономики, которая тысячелетиями основывалась на эксплуатации природы и человека. И против подлатанного капитализма, который попытается спасти свою шкуру, инвестируя в природную энергию и заставляя нас платить высокую цену за то, что – лишь только стоит создать новые средства производства – будет бесплатным, словно ветер, солнце и энергия

растений и почвы. Если мы не покинем экономическую реальность и не заменим её реальностью человеческой, мы снова позволим рыночному варварству продолжать существовать.

– В своей книге «Заставить глобализацию работать» Джозеф Стиглиц выступает за реорганизацию глобализации в направлении большей справедливости, чтобы уменьшить глобальную неравномерность развития. Что вы думаете о глобализации? Как избавиться от прибыли в качестве мотива и вместо этого стремиться к подлинному благосостоянию? Как избежать императива роста?

Ванейгем: Морализация прибыли - это иллюзия и жульничество. Должен произойти решительный разрыв с экономической системой, которая последовательно распространяла разрушение, одновременно с этим притворяясь посреди всеобщей нужды, что она обеспечивает благосостояние, которое на самом деле не более чем воображаемое. Человеческие отношения должны вытеснить и свести на нет коммерческие отношения. Гражданское неповиновение заключается в том, чтобы не обращать внимания на решения правительства, которое растрчивает средства своих граждан, чтобы покрыть потери финансового капитала.

Зачем платить налоги банкирскому государству, налоги, которые зря тратятся на то, чтобы попытаться заполнить бездонную яму коррупции, когда мы могли бы вложить их в самоуправляемые бесплатные энергосети в каждом микрорайоне? Прямая демократия самоуправляемых советов должна игнорировать декреты коррумпированной парламентской демократии. Гражданское неповиновение по отношению к государству, которое нас грабит, - это наше право. Наша задача - использовать этот эпохальный сдвиг, чтобы создать сообщества, где желание жить превозмогает

собой, потому что чувствовал в воздухе нечто от настоящей жизни, пусть хрупкой и недолговечной.

Нашими блужданиями по улицам, переулкам и аллеям руководило единое настроение, через извилистые движения удовольствия, которое наш каждый шаг помогал нам измерить с тем, чтобы по возможности расширить его и сделать еще более утонченным. У меня есть чувство, что районы, уничтоженные такими людьми, как Осман, Помпиду и варварами из агентств недвижимости, будут однажды восстановлены их обитателями в соответствии с духом радости и жизни, который раньше в них витал.

Диалог с властью и невозможен, и нежелателен

– Какие вы видите возможности для преодоления отчуждения и для «переворачивания» (detournement) сейчас, в 2009 году?

Ванейгем: Это время беспрецедентного хаоса в смысле материальных и моральных условий. Человеческим ценностям придется компенсировать воздействие единственной ценности, которая до сих пор господствовала - денег. Но коллапс финансового тоталитаризма означает, что эта валюта, которая нас так обманула, теперь обречена на обесценивание и потерю всякого значения. Абсурдность денег становится конкретной. Постепенно они уступят место новым формам обмена, которые ускорят их исчезновение и приведут к экономике дара.

– Каковы условия для диалога в 2009 году? Есть ли выход из этой системы изоляции?

Ванейгем: Диалог с властью и невозможен, и нежелателен. Власть всегда действовала односторонне, организуя хаос, распространяя страх, принуждая отдельные лично-

– Где расположится город мёртвых? В лесу, а не на кладбище?

Ванейгем: Да, лес, аудитория, в которой голоса мёртвых будут говорить, окружённые пышностью природы, там, где жизнь постоянно воссоздаёт себя заново.

– Придумали ли вы другие утопические города, помимо Оаристиса? Или конкретную утопию в применении к городу?

Ванейгем: Нет, но я не теряю надежду, что подобные проекты однажды смогут начать расти как грибы после дождя и окажутся воплощёнными, когда мы начнём перестраивать мир, опустошённый бандами вымогателей.

– В 1991 году я основал музей Роберта Вальзера в Швейцарии, «прогулкологический» музей. Меня всегда восхищало ваше понятие прогулки (dérive). Могли бы вы рассказать немного о ваших городских прогулках, как с Дебором, так и без него? Как насчёт Вальзера? Вдохновляли ли вас другие «прогулкологи»?

Ванейгем: Как и многие, я ценю Роберта Вальзера. Его ясность и чувство дрейфа (dérive) очаровали Кафку. Меня всегда пленяло долгое путешествие Гёльдерлина, которое он предпринял после своего разрыва с Диотимой. Меня восхищают «Тропы песен» Чатвина, в которых он каким-то образом ухитряется превращать невиннейшие прогулки в воспевание троп жизни, как будто мы оказались в сердце австралийского буша. И я ценю прогулки Леона-Поля Фарга и учёность Эрона де Вильфосса.

Мои психогеографические дрейфы с Ги Дебором в Париже, Барселоне, Брюсселе, Беерселе и Антверпене были выдающимися мгновениями, сочетавшими теоретические рассуждения, чувствительный рассудок, критический анализ существ и мест с удовольствием от весёлой пьянки. Нашими портами приписки были приятные бистро с тёплой атмосферой, гавани, в которых каждый был самим

тиранию денег и власти. Нам не стоит заботиться ни о правительственном долге, который прикрывает громадное нарушение общественных интересов, ни о той выдумке прибыли, которую называют «ростом».

Отныне целью местных сообществ должно быть — самостоятельное производство для самих себя всех общественно необходимых продуктов для обеспечения потребностей всех, то есть настоящих потребностей, а не потребностей, созданных пропагандой потребительства.

– Эдуар Глиссан различает глобальность и глобализацию. Глобализация уничтожает различия и гомогенизирует, в то время как глобальность представляет собой глобальный диалог, который производит различия. Как вы относитесь к его понятию глобальности?

Ванейгем: Для меня это должно обозначать - действовать на местном уровне и глобально через федерацию сообществ, в которой наша занятая дележом пирога, коррумпированная парламентская демократия становится ненужной благодаря прямой демократии. Местные советы будут созданы для принятия мер по защите окружающей среды и повседневной жизни каждого человека. Ситуационисты называли это «созданием ситуаций, которые исключают любое отступление».

– Могут ли теперешние недостатки глобализации привести к столь же опасным результатам, что и недостатки предыдущей глобализации в тридцатые годы? Вы писали, что казавшееся нестерпимым в 1968-ом, когда экономика испытывала бум, стало ещё менее терпимым сегодня. Считаете ли вы, что нынешнее экономическое отчаяние может заставить новые поколения бунтовать?

Ванейгем: Кризис тридцатых был экономическим. То, с чем мы сталкиваемся сегодня, это направленный вовнутрь

взрыв экономики как системы управления. Это коллапс рыночной цивилизации и появление цивилизации человеческой. Нынешнее смятение знаменует глубокий сдвиг: ориентиры старого патриархального мира исчезают. Вместо них пробиваются, еле-еле и не без замешательства, ранние признаки действительно человеческого образа жизни, союза с природой, который останавливает эксплуатацию, насилие и мародёрство по отношению к ней.

Наихудшим в данной ситуации может быть неспособность воспринимать и понимать жизнь, отсутствие разумного сознания, насилие, не связанное с позитивным сознанием. Нет ничего более прибыльного для мафий вымогателей, чем хаос, отчаяние, самоубийственное бунтарство и нигилизм, которые распространяются жадностью наёмников, для которых деньги, даже обесценившиеся в панике, остаются единственной ценностью.

– В своей книге «Утопистика» Иммануил Валлерстайн утверждает, что наша мировая система проходит через структурный кризис. Он предсказывает, что на замену её более демократичной и эгалитарной системой потребуется от 20 до 50 лет. Он считает, что будущее принадлежит «обезрыноченным», бесплатным учреждениям (построенным по модели, скажем, публичных библиотек). Поэтому мы и должны выступать против превращения воды и воздуха в рыночные товары¹. Каково ваше мнение на этот счет?

Ванейгем: Не знаю, сколько времени потребуется на текущую трансформацию (надеюсь, что не слишком много, так как я хотел бы на неё посмотреть). Но я не сомневаюсь, что этот новый альянс с силами жизни и природы будет

¹ См. Immanuel Wallerstein, *Utopistics: Or, Historical Choices of the Twenty-first Century* (New York: The New Press, 1998).

Ванейгем: Смерть университета: он будет ликвидирован ежедневным поиском и стремлением ко всеобщему обучению, всего лишь бледной карикатурой которой он всегда был.

– **Могли бы вы сказать пару слов о принципе бесплатности? Я очень этим интересуюсь, - как куратор, я всегда верил в то, что музеи должны быть бесплатными - «искусство для всех», как это сформулировали Гилберт и Джордж .**

Ванейгем: Бесплатность - это единственное абсолютное оружие, которому под силу разрушить могучую машину саморазрушения, приведённую в действие потребительским обществом, коллапс которого продолжает выпускать, словно смертельно ядовитый газ, прагматичность, алчность, финансовую выгоду, прибыль и хищничество. Музеи и культура должны быть бесплатны, разумеется, но бесплатны должны быть и общественные услуги, ныне являющиеся добычей мошеннических транснациональных корпораций и государств. Бесплатные поезда, автобусы, метро, бесплатная медицина, бесплатные школы, бесплатная вода, воздух, электричество, бесплатная энергия, всё - через альтернативные сети, которые ещё предстоит создать.

По мере распространения бесплатности, новые сети солидарности будут уничтожать засилье товара. Это потому что жизнь - это бесплатный дар, продолжающееся творение, то, чего лишает нас подлое барышничество рынка.

– **Где в Оаристисе есть место любви?**

Ванейгем: Повсюду. Любовная интрига, которая столь же сложна, сколь и проста, будет служить структурным элементом новых отношений солидарности, которые рано или поздно вытеснят эгоистичные расчётливость, конкуренцию, соревновательность и хищничество, эти причины обезчеловечивания нашего общества.

быть продуктивным, когда речь заходит о тех, кто виновен в бесчеловечности.

*Забвение, которое не отменяет припоминание, которое не исправляет память, которое не является могущим быть приведённым в исполнение приговором, но забвение, которое скорее исходит от спонтанного чувства отвращения, вроде быстрого поворота, чтобы не вляпаться в собачье дерьмо на тротуаре. Я хочу, чтобы застрельщики прошлых жестокостей были похоронены в саване своих ошибок, когда их бесчеловечность разоблачена. Пусть память о преступлении изгладит память о преступнике».*³

– **Учение оставляет школы и идёт на улицы. Становятся ли улицы «поясами мышления» (Thinkbelts)? «Гончарный пояс мышления» Седрика Прайса использовал заброшенные линии железной дороги для неожиданно возникших там школ. Где сегодня происходит обучение и в чем оно заключается?**

Ванейгем: Мы все постоянно учимся, вне зависимости от возраста. Любопытство питает желание знать. Стремление научить возникает из удовольствия передавать жизнь: ни навязывание, ни властные отношения, это - чистый дар, наподобие жизни, из которой он проистекает. Экономический тоталитаризм оторвал обучение от жизни, творческим сознанием которой оно призвано быть. Мы хотим всюду распространить эту поэзию знания, которое отдаёт себя само. В противоположность школе как закрытому пространству (в прошлом - казарме, в настоящем - невольничьему рынку), нам надо изобрести кочевое обучение.

– **Каким вам видится будущий университет XXI века?**

³ Raoul Vaneigem, *Ni pardon, ni talion: La question de l'impunité dans les crimes contre l'humanité* (Paris: Editions La Découverte, 2009).

способствовать распространению равенства и свободы. Мы должны пойти дальше простого естественного возмущения присвоением ради прибыли наших воды, воздуха, почвы, окружающей среды, растений, животных.

Мы должны создать коллективы, которые в состоянии управлять природными ресурсами ради человеческих интересов, а не рыночных. Этот процесс перераспределения, который я предвижу, имеет название: самоуправление, опыт, предпринимавшийся неоднократно во враждебных ему исторических контекстах. В данный момент, учитывая коллапс потребительского общества, это представляется единственным решением и с личной, и с общественной точки зрения.

– **В своих произведениях вы описали обязанность работать как нечеловеческое, почти животное состояние. Вы считаете, что рыночное общество регрессом по отношению к предыдущему периоду?**

Ванейгем: Как я упомянул ранее, эволюция в период палеолита означала развитие творчества - отличительной черты человеческого рода, оторвавшегося от своей изначальной животности. Однако при неолите осмотическое отношение к природе всё больше и больше ослаблялось, поскольку интенсивное сельское хозяйство всё в большей степени основывалось на разграблении и эксплуатации природных ресурсов. Кроме того, тогда религия превратилась в общественный институт, общество стратифицировалось, началось господство патриархата и презрение к женщинам, правление жрецов и царей с их непрекращающимися войнами, нищетой и насилием. Творчество уступило место работе, жизнь - выживанию, наслаждение - животному хищничеству, которое экономика присвоения сделала своей частью, развила и одушевила. В этом смысле рыночная цивилизация и впрямь является обратным

движением, в котором технический прогресс заменяет человеческий прогресс.

– **Для вас лично, в чем состоит прогрессивное развитие жизни?**

Ванейгем: Двигаться вперед от выживания, борьбы за существование и хищничества к новому искусству жизни посредством воссоздания мира для блага всех.

– **Мои интервью часто обращают основное внимание на связи, существующие между искусством и архитектурой/урбанизмом или литературой и архитектурой/урбанизмом. Вы могли бы рассказать немного о Бюро единого урбанизма?**

Ванейгем: Это была скорее идея, чем проект. Речь шла о необходимости восстановления социальной ткани, которая так сильно пострадала под удушающим действием рынка. Подобные попытки восстановления идут рука об руку с восстановлением отдельными личностями их собственного повседневного существования. Именно в этом и заключается истинная суть психогеографии: страстная и критическая расшифровка того, что в нашей окружающей среде должно быть уничтожено, подвергнуто переворачиванию (*detournement*), перестроено.

– **По-вашему, нет никакого урбанизма?**

Ванейгем: Урбанизм - это идеологическое генерирование сети координат и контроль над личностью и обществом со стороны экономической системы, которая эксплуатирует человека и Землю и превращает жизнь в товар. Для движения самостоятельного строительства жилья, которое сейчас растёт, было бы опасным обращать больше внимания на необходимость экономить деньги, чем на поэзию нового образа жизни.

– **Какими вам сейчас, в 2009 году, видятся города? Каким будет единый урбанизм для третьего тысячелетия? Каким будет, по-вашему, будущее го-**

оказались вознесены на пьедесталы, которых воспевают в пёстрых пантеонах официальной памяти. Мне просто хотелось бы увидеть добавленными к перечню их неаппетитных некрологов список их злодеяний, упоминание об их жертвах, воспоминания о тех, кто против них выступал. Я не предлагаю, чтобы имя Франсиско Феррера затмило имя его убийцы, Альфонса XIII, но об обоих должно быть, по крайней мере, известно всё.

Как учебники могут культивировать хоть какое-то уважение к Бонапарту, несущему ответственность за смерть миллионов людей, к Людовику XIV, убийце крестьян и гонителю протестантов и вольнодумцев? К Кальвину, убийце Жака Грюэ и Мигеля Сервета, диктатору Женевы, жители которой, в память о Себастьяне Кастеллио, должны однажды решиться уничтожить гербы и все следы столь недостойного поклонения? В то время, как Испания низвергла франкистские статуи и вернула переименованным фашистами улицам их старые имена, мы отчего-то терпим возвышающуюся в парижском небе базилику Сакре-Кёр, отталкивающая архитектура которой прославляет разгром Коммуны.

В Бельгии всё ещё есть проспекты и памятники в честь короля Леопольда II, одного из циничнейших преступников XIX столетия, чья политика «красного каучука» - заклеенная Марком Твенем, Роджером Кейсментом (который заплатил за это своей жизнью), Эдмундом Дином Морелом и позже Адамом Хохшильдом - пока что заставила трепетать мало чью совесть. Это не призыв взорвать его статуи или вырубить воспевающие его посвящения. Это призыв к бельгийцам и конголезцам обеззаразить и очистить места общего пользования от этого пятна, оставленного одним из наихудших покровителей колониальной жестокости. Парадоксальным образом, я склонен верить, что забвение может

ви, обучение – это непрерывный поток, которому выпала честь орошать и удобрять наш чувствующий разум.

Нет ничего более заразительного, чем творчество. Однако прошлое также тащит за собой весь хлам нашей бесчеловечности. Что же нам с ними делать? Поместить в музей ужасов, музей варварского прошлого? Я попытался ответить на вопрос о «долге памяти» в своей работе «Ни прощения, ни возмездия»:

«Большинство великих людей, которыми нас учили восторгаться, были всего лишь циничными или хитрыми убийцами. История, в том виде, как её преподают в школах и представляют нам в разлитом море житейной литературы, является собой образец лживости; если можно воспользоваться модным термином, она является отрицателем. Возможно, она не отрицает реальности газовых камер, она, быть может, не воздвигает монументы славы Сталину, Мао или Гитлеру, но она упорствует в том, чтобы воспевать звероподобного завоевателя: Александра, по прозвищу «Великий» – чьим учителем был Аристотель, о чем всегда говорится с гордостью, – Юлия Цезаря, Чингисхана, Тамерлана, Наполеона, толпы генералов, уничтоживших целые народы, мелких тиранов городов и государств, судей-палачей, разнообразных Жаверов, вероломных дипломатов, одержимых различными религиями и идеологиями насильников и убийц; столько славы, полученной благодаря подлостям, мерзостям и низостям.

Я не предлагаю разобрать проспекты официальной истории и вместо этого замостить переулки. Нам не нужна защищенная история, нам нужно знание, которое вытаскивает на всеобщее обозрение факты, которые поколение за поколением затухивали растущими напластованиями предрассудков. Я не призываю к учреждению трибунала разума, который бы начал осуждать кучу нежелательных личностей, которые по странному стечению обстоятельств

родов? Какой ваш любимый город? Вы называете Оаристис городом желаний. Оаристис вдохновлён миром детства и женственности. Ничто не статично в Оаристисе. Джон Кейдж однажды сказал, что, подобно природе, «никто не может достичь точки оформленности и законченности. Ситуация постоянно, непредсказуемо меняется»². Согласны ли вы с Кейджем?

Ванейгем: Я люблю бродить по Венеции и Праге. Мне нравится Мантуя, Рим, Болонья, Барселона и некоторые районы Парижа. Для меня архитектура имеет меньшее значение, чем то, сколько человеческого тепла её красота была в состоянии поддержать. Даже в Брюсселе, столь опустошённом застройщиками и бесчестными архитекторами (помнится, на брюссельском диалекте слово «архитектор» является оскорблением), осталось несколько чудесных бистро. Прогулки из одного в другое придаёт Брюсселю очарование, которого его лишил урбанизм.

Описываемый мною Оаристис не является идеальным городом или образцовым пространством (все образцы – тоталитарны). Это неуклюжий и наивный набросок для эксперимента, на осуществление которого я не устаю надеяться, – так что я согласен с Джоном Кейджем. Это не диаграмма, но экспериментальное предположение о том, что создание окружающей среды есть то же самое, что и создание личностями своего собственного будущего.

– Основывается ли Оаристис на природной энергии, как метаболистские города? Мы с Ремом Колхасом сейчас работаем над книгой о японских метаболистах. Когда я прочитал ваш прекрасный текст об Оаристисе, он мне напомнил об этом дви-

² Цит. по: Richard Kostelanetz, *Conversing with Cage*, 2nd ed. (New York: Routledge, 2003), 34.

жении шестидесятых, особенно о плавучих городах, о водных городах Кикутаке . Является ли Оаристис метаболистским городом?

Ванейгем: Когда «Оаристис» был опубликован, архитектор Филипп Ротье и Диана Хеннеберт , которая в то время заведовала брюссельским Музеем архитектуры, справедливо критиковали меня за игнорирование творческих проектов нового поколения зодчих. Теперь, когда рушится старый мир, слияние бесплатной природной энергии, техники самостоятельного строительства жилья и обновления чувственной формы окажет решающее воздействие. Так что нелишним будет помнить, что техническая изобретательность должна проистекать из изобретения заново личной и коллективной жизни. Иными словами, именно самоуправление дает возможность для истинного прорыва и экстатической изобретательности: когда отдельные люди и советы управляют своей собственной жизнью и окружающей средой посредством прямой демократии. Давайте доверим безграничные свободы воображаемого детству и ребёнку внутри нас.

– Несколько лет назад я взял интервью у Констанана о Новом Вавилоне. Общались ли вы с Констананом и как вы сегодня относитесь к Новому Вавилону?

Ванейгем: Я никогда не встречался с Констананом, которого, если я не ошибаюсь, исключили ещё до моего знакомства с СИ. Основной недостаток Нового Вавилона в том, что он даёт преимущество технологии, а не формированию индивидуального и коллективного образа жизни - необходимой основе любой архитектурной концепции. Архитектурный проект интересует меня, только если в нём конструируется повседневность.

– Какой вклад город будущего может внести в поддержание биоразнообразия?

Ванейгем: Почерпнув вдохновения у Альфонса Алле , поощряя внедрение сельской местности в городскую среду. Создавая зоны органического земледелия, сады, огороды и фермы внутри городского пространства. В конце концов, стольким бюрократическим и паразитарным зданиям не терпится уступить место плодородной, красивой земле, которая приносит пользу всем. Архитекторы и сквоттеры, постройте нам висячие сады, где мы могли бы прогуливаться, вкушать плоды и жить!

– Оаристис имеет форму лабиринта, но он также претерпел влияние Венеции и её общественных площадей. Могли бы вы рассказать о форме Оаристиса?

Ванейгем: Наше внутреннее пространство-время похоже на лабиринт. В нём каждый из нас одновременно Тезей, Ариадна и Минотавр. Наши дрейфы (dérives) выигрывают в глубине, внимательности, гармонии и счастье, если только внешнее пространственно-временное измерение может предложить изгибы, способные вызвать видения возможных направлений нашего будущего, как своего рода аналогия или эхо - предпочитающее игры жизни и не дающее им превратиться в игры смерти.

- ответить
- цитировать

– Будут ли музеи отменены? Могли бы вы рассказать об амфитеатре памяти? Это ваше возражение против забвения?

Ванейгем: Музей страдает от того, что является закрытым пространством, в котором произведения чахнут. Живописи, скульптуре и музыке место на улицах, так же как фасадам, которые размышляют о нас и которые вновь оживают, когда мы их приветствуем. Подобно жизни и люб-